

15. *Tatarinov V. A. Teoria terminovedenia : v 3 t. – T. 1. Teoria termina: istoria I sovremennoe sostoyanie [The theory of terminology in 3 vol. – V. 1. Theory of the term: history and current status] / Viktor Andreevich Tatarinov. – M. : Moskovskiy litsey, 1996. – 311 s.*

Проскуріна Л. М. Термінологічна варіантність як засіб наукового вивчення світу.

У статті розглянуто особливості термінологічної варіантності в одній із підсистем авіаційної термінології “Ремонт літальних апаратів”, проаналізовано деякі омореферентні та парареферентні термінологічні варіанти. Причини появи синонімічних пар і рядів у технічній термінології підтверджують ідею про те, що явище синонімії може бути ознакою науки, що розвивається.

Ключові слова: термін, термінологічна підсистема “Ремонт літальних апаратів”, варіант, парареферентний варіант, омореферентний варіант.

Proskurina L. N. Terminological variance as a way of scientific study of the world.

In the article the peculiarities of the terminological variability in one of the subsystems of aviation terminology “Aircraft repair” are considered. Synonymy of terms is different from the synonymy of common words because the searching of the optimal method of nomination, the process of differentiation of concepts are the most common causes of terminological variation. The basis for selection of synonymic pairs and rows in the terminological subsystem “Aircraft repair” was the classification, which is based on the allocation moreparents and parameterentry variants of terminological units and allows to revealing structural and derivational potential of terminology. Causes of synonymic pairs and rows in technical terms maintain the idea that the phenomenon of synonymy may be a sign of a developing science.

Keywords: term, the terminological subsystem “Aircraft repair”, variant, homoreferential variants, parareferential variants.

Э. Ш. Салахатдинова

Национальный авиационный университет

СЕМАНТИЗАЦИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СЛОВАРЯХ НАЧАЛА XXI ВЕКА

На материале словарей крылатых слов и выражений русского языка начала XXI века изучена типология способов семантического описания крылатых единиц. Установлено, что выбор способа семантизации и характер информации, которая должна быть отражена в толкующей части словарной статьи, зависят от структуры описываемой единицы.

Ключевые слова: крылатые слова и выражения, словарная статья, семантическое описание, способы семантизации, лексикография.

Словари являются не только результатом, но и объектом научных исследований. Так, одна из самых сложных проблем теоретической лексикографии – определение значений слов – решалась на основе создаваемых словарей. Вся история составления толковых словарей русского языка, по сути, фиксирует возникновение и совершенствование способов толкований применительно к разным типам единиц номинативного фонда с

целью разъяснения смысла слов и выявления различных связей и отношений в лексическом составе языка.

Постоянно растет количество работ, посвященных вопросам построения и анализа толкований, что свидетельствует не только об интересе к ним, но и, безусловно, об отсутствии единого взгляда на некоторые важные вопросы в теории русской лексикографии. Большой вклад в теорию научного анализа процесса и способов семантизации, а также толкований (как ее результата) в начале – середине XX в. внесли Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, позже О. С. Ахманова, Д. И. Арбатский, П. Н. Денисов, Н. З. Котелова, А. Е. Карпович, А. И. Киселевский, А. П. Евгеньева, В. Д. Табанакова, С. Д. Шелов и другие лингвисты.

Общий анализ специальных справочных изданий и словарей, вышедших в XX – начале XXI вв., дан в исследованиях О. В. Берковой [1], С. Г. Шулежковой [8], Л. П. Дядечко [5; 6] и др. Однако в обзорах практически не затрагивался вопрос о способах семантизации, применяемых в изданиях данного периода, что и является предметом рассмотрения в данной статье.

В целом следует отметить, что до середины 90-х гг. XX в. словари крылатых слов и выражений (далее – КС(в)) носили полубеллетристический характер. Отсутствие теоретических обобщений, необязательность структурных элементов словарной статьи (прежде всего таких, как толкующая и иллюстративная части) в изданиях прошлого века, несмотря на достаточно разветвленную систему способов семантизации, применяемых в справочниках XX в., подтверждают необходимость серьезной разработки принципов описания КС(в).

Цель статьи – охарактеризовать способы семантического описания крылатых единиц на материале словарей крылатых слов и выражений русского языка начала XXI в. В связи с этим поставлены следующие задачи: изучить типологию способов семантизации описываемых единиц в словарях КС(в) XXI в.; проанализировать структуру словарной статьи и характер информации, которая представлена в ее толкующей части; выявить оптимальные принципы описания КС(в) разных структурных типов.

В начале XXI в. выходит ряд лексикографических трудов, существенно изменивших представления ученых об истинном составе КС(в) и их источниках. В 2000-м г. издается энциклопедия “Современные крылатые слова и выражения”, рекомендованная широкому кругу читателей. Авторы лексикографического издания Е. А. Грушко и Ю. М. Медведев объясняют в книге свыше 2500 слов и выражений.

В предисловии “Легкокрылое русское слово” авторы отмечают, что при отборе языковых единиц они не придерживались строгих принципов, а ориентировались на принципы “русского этнографа и непревзойденного

знатока родной речи” С. В. Максимова [3, с. 3]. Поэтому в энциклопедию помимо КС(в) вошли также фразеологизмы, причем как в узком (*без царя в голове; белены объелся; в бараний рог согнуть* [3, с. 25, 27–28, 49]), так и в широком смысле (*выходной день; под эгидой; показывать пальцем; так сказать* [3, с. 94, 354, 360, 455]); а также пословицы (*Взялся за гуж – не говори, что не дюж; Ешь пироги с грибами – держи язык за зубами; Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом* [3, с. 69, 142, 348]). Значительно расширен корпус описываемых КС(в) за счет возникших в 1970–2000 гг. В книге представлены КС(в), источниками которых явились тексты песен и кинофильмов, реплики из выступлений политических деятелей, телерекламные слоганы и пр., напр.: *богатенький Буратино; Богатые тоже плачут; Битте-дритте, фрау мадам!; Почувствуйте разницу!; новое мышление; Это однозначно* [3, с. 35, 30, 371, 304, 526] и др.

Несмотря на энциклопедический характер издания, в нем ключевая для понимания истории характеристика текста источника нередко дается в неполном виде. Так, нет точных ссылок на библейские тексты (см., напр.: *беден как Лазарь; блаженны алчущие и жаждущие* [3, с. 22–24, 32–33]); часто не указаны название произведения и дата его выхода или имя автора (см., напр.: *Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих; Душа обязана трудиться; Мальбрук в поход собрался* [3, с. 122, 135, 239]); нет иллюстративного материала. Безусловно, отсутствие унификации снижает достоинства издания, тем не менее положительным является то, что авторы каждую включенную единицу сопровождали семантической характеристикой, используя следующие способы:

1) описательный, напр.: *всякой твари по паре* – “о разношерстной компании”; *ежик в тумане* – “о загадочном человеке или непонятном явлении”; см. также: *Кукушка хвалит петуха; С бумагой в стране напряженка* [3, с. 91, 137, 222, 405];

2) описательно-перечислительный, напр.: *великий комбинатор* – “мошенник, плут, обманщик; изобретательный человек”; *Лиса Патрикеевна* – “хитрый, льстивый человек”; см. также: *за тридевять земель; Буцефал; вавилонское столпотворение* [3, с. 63, 229, 153, 45, 58];

3) синонимический, напр.: *на всю оставшуюся жизнь* – “навсегда”; *отдать Богу душу* – “умереть”; см. также: *на деревню дедушке; бальзаковский возраст* [3, с. 261, 328, 20];

4) перечислительно-синонимический, напр.: *книжники и фарисеи* – “ханжи, лицемеры, болтуны”; *не сыпь мне соль на рану* – *она еще болит* – “не раздражайте, не мучайте”; см. также: *без божества, без вдохновенья; бросить камень* [3, с. 206, 287, 23, 42];

5) символический, напр.: *алые паруса* – “символ высокой, почти не сбыточной мечты о счастье”; *ветер перемен* – “символ резко изменившихся

обстоятельств”; см. также: *нам не страшен серый волк; синяя птица* [3, с. 16, 66, 271, 424].

“Создание достаточно полного, построенного на продуманных, четких лексикографических принципах и вместе с тем доступного массовому читателю словаря русских КС” являлось, по мнению В. П. Беркова и О. В. Берковой, “назревшей и очень важной проблемой” [цит. по: 2, I, с. 30]. Первым опытом относительно полного описания КС(в) русского языка стал “Большой словарь крылатых слов русского языка” (далее – БСКСВ) (2000 г., около 4000 единиц), авторами которого выступили известные лексикографы В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова.

Во 2-е (исправленное и дополненное) издание, появившееся в 2-х томах в 2008–2009 гг., вошли около 5000 крылатых единиц, “бытующих в современном русском языке” [2, I, с. 31], а также иноязычные КС(в), употребляющиеся в русской речи без перевода или послужившие основой для русских КС(в). Авторы поместили их в отдельный раздел после основного корпуса словаря.

Словарная статья построена по четко установленной схеме и состоит из заголовочной единицы и ее стилистической характеристики; данных об источнике; информации о фиксации эпитима в словарях и справочниках; толкующей части, где указываются значение и особенности употребления языковой единицы; иллюстративной части, представленной примерами использования реестровой единицы в литературных текстах и устной разговорной речи с указанием времени и места появления КС(в) в дискурсе. Завершает иллюстративную часть специальная зона примеров, демонстрирующих трансформационные возможности крылатого выражения.

Все включенные языковые единицы имеют при себе толкование, которое, как считает С. Г. Шулежкова, “представляет собой известную сложность” и “не может быть унифицированным, так как подлежащие описанию сверхсловные КЕ <крылатые единицы> слишком разнородны не только по своей структуре, но и по выражаемым значениям и коммуникативным функциям” [9, с. 12]. Исследовательница убеждена, что, к примеру, крылатые выражения (далее – КВ) “с прозрачной семантикой не нуждаются в подробном семантическом комментарии” [9, с. 12]. К такому типу относятся КВ, представляющие собой законченные предложения, в которых может быть использован глагол в повелительном наклонении, реже – инфинитив в той же функции. Это, по сути, предложения-призывы, лозунги, девизы и т. п. КВ такого типа толковались либо кратко по типу, напр.: *Не надо печалиться – вся жизнь впереди* – “лозунг оптимистов”; *От сессии до сессии живут студенты весело* – “девиз студентов” [2, II, с. 62, 159], либо более развернуто, с уточнением ситуации употребления, напр.: *Болтун – находка для шпиона* – “призыв, адресованный излишне

говорливому человеку”; *Пора, мой друг, пора* – “призыв к действию, обращенный к человеку, пребывающему в состоянии нерешительности” [2, I, с. 115; II, с. 222].

Семантизация КВ предикативного типа, “переживших при переходе в разряд крылатых различные сдвиги семантического и эмоционально-экспрессивного плана” [9, с. 12], осуществлялась несколькими способами.

Изучение материалов БСКСВ [2] показало, что часть КВ толковалась комбинированным способом: описательно-перечислительным способом, напр.: *Недолго музыка играла* – “о кратковременной удаче, случайном и недолго длящемся везении”; или перечислительно-синонимическим, напр.: *Не искушай меня без нужды* – “не прельщай, не соблазняй, не уговаривай меня” [2, II, с. 49–50; 55].

Семантизация КВ такого типа также представлена объектно-описательным способом, напр.: *Не вынесла душа поэта* – “о человеке, у которого кончилось терпение, который отказывается от дальнейшего участия в чем-л.” [2, II, с. 47], и ситуативно-описательным способом, напр.: *Вставайте, граф, вас ждут великие дела* – “употр. шутливо, когда кого-л. будят”; *Отколе, умная, бредишь ты, голова?* – “вопрос при неожиданной встрече со знакомым человеком” [2, I, с. 234; II, с. 151].

Не вызывает затруднений, по мнению С. Г. Шулежковой, семантизация “КВ с мотивированной семантикой, подсказанной исконными значениями компонентов, выполняющих функции отдельных членов предложения” [9, с. 12]. Толкование таких КВ, как показывает анализ словарных статей БСКСВ, осуществлялось в основном двумя способами:

1) описательно-перечислительным, напр.: *и дешево, и сердито* – “о чем-л. недорогом, доступном, но хорошего качества” [2, I, с. 426–427];

2) комбинированным – описательно-перечислительным и родо-видовым, напр.: *весомо, грубо, зримо* – “о чем-л. крупном, значительном, важном, обращающем на себя внимание с положительной или отрицательной стороны” [2, I, с. 162].

Речевые обороты непредикативного типа, которые при переходе в статус КВ “претерпели различные семантические, грамматические и эмоционально-экспрессивные преобразования”, семантизировались несколькими способами:

1) описательным, напр.: *дойная корова* – “о ком-л., о чем-л. как о безотказном источнике дохода”; *лапы загребущие* – “о жадном человеке”; *и толстый-толстый слой шоколада* – “о чем-л. приторно-сладком, преподносимом в большом количестве” [2, I, с. 320, 558, 461];

2) синонимическим, напр.: *под музыку Вивальди* – “в стиле ‘ретро’, в традиционном ключе” [2, II, с. 202]; необходимо отметить, что синонимический способ и обозначенный в работе как квазисинонимический

способ (см. следующую разновидность) различаются: в первом случае толкование осуществляется подбором одноуровневой единицы, т. е. фразеологизма, во втором – разноуровневой, т. е. лексемы);

3) квазисинонимическим (в сочетании с описательным), напр.: *за горами, за долами; за тридевять земель* – “очень далеко” [2, I, с. 385, 396]; *джентльмены удачи* – “пираты, морские разбойники” [2, I, с. 312];

4) родо-видовым, напр.: *под крылом самолета* – “вид, открывающийся с борта летящего лайнера” [2, II, с. 200];

5) символическим, напр.: *птица счастья* – “символ счастливого будущего”; *разбитое сердце* – “символ страдания от несчастной любви” [2, II, с. 268, 283].

Анализ материалов словаря показал, что некоторые толкования КВ являются довольно большими по объему, длинными, затеняющими основную мысль. Это происходит за счет того, что в зону толкования входит информация о построении модели КВ, не являющаяся семантической характеристикой речевого оборота, а скорее – информацией фразообразовательного характера, напр.: *стюардесса по имени Жанна* – “на базе оборота родилась фразеологическая серия, все единицы которой построены по модели сущ. + “по имени” + женское имя собственное. Обычно эти единицы играют роль заголовка к материалам, которые рассказывают о какой-л. героине, чаще – стюардессе, названной в заголовке и по профессии, и по имени” [2, II, с. 413] (см. также: *блеск и нищета [куртизанок]; брак по-итальянски; Почем опиум для народа?; Редкая птица долетит до середины Днепра* [2, I, с. 106, 121; II, с. 233, 298]). Как кажется, такая информация должна быть вынесена за пределы толкующей части и может быть представлена в виде модели-схемы для всей образующейся фразеологической серии.

При этом отмечаем, что некоторые толкования раскрывают значение КВ лишь поверхностно (см., напр.: *приглашение к танцу; танец маленьких лебедей* [2, II, с. 248, 434]) или не раскрывают их значения вообще, напр.: *Бригантина поднимает паруса* – “выражение стало продуктивной моделью образования аналогичных оборотов в газетах и журналах. Компоненты ‘бригантина’ и ‘поднимает’ нередко подвергаются замене в соответствии с содержанием публикаций” [2, I, с. 123] (ср. описание того же оборота в другом словаре: *Бригантина поднимает паруса* – “1. О готовности к отплытию. 2. О том, кто набирает силу (*перен.*)” [4, I, с. 57]). Отмеченные упущения лишь подтверждают тот факт, что в области лексикографирования КС(в) до сих пор недостаточно четко разработаны способы семантического описания языковых единиц анализируемого типа.

В 2008 г. вышла книга Л. П. Дядечко “Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь” (далее – КСНВ), посвященная лингвистическому

описанию новых с точки зрения презумпции новизны КС(в). В этом словаре статья имеет четкую структуру и включает: вокабулу с указанием факультативной части и вариантов; характеристику источника; толкующую часть со стилистической квалификацией, интонационными и другими особенностями употребления; “типичную трансформацию”, обозначенную схематически. Достойно внимания то, что словарные статьи хорошо проиллюстрированы. Экземплификационная часть статьи построена в строгой последовательности: от цитат из художественных и литературно-публицистических текстов, текстов газет, радио- и телепередач до записей разговорной речи. Количество подобранных авторов контекстов позволяет не только подтвердить факт включения впервые предлагаемых читателю речевых оборотов в статусе крылатых и реальность их функционирования в речи, но и служит средством, более полно и глубоко раскрывающим значение, которое дано в толкующей части. Словарную статью завершает справка, где содержатся сведения об источнике, дате (периоде) активации и популяризаторе, оценке, которую речевой оборот получил в обществе [7, с. 5–6].

В словарь вошли крылатые слова с “печатью авторства” и цитаты-реминисценции (см., напр., *Мама мыла раму; Так говорил Заратустра* [7, с. 371, 665]), отбор которых “осуществлялся в строгом соответствии со взглядами составителя относительно того, какие языковые явления охвачены наименованием *крылатые слова*” [7, с. 4].

Особого внимания заслуживает то, что Л. П. Дядечко с максимальной достоверностью паспортизировала каждую словарную единицу, уточнив источники некоторых выражений (см., напр., *враг народа; Красота спасет мир* [7, с. 120–121, 331–332]); показала многозначность КС(в) в хронологическом порядке развития значений (см., напр., *Еще идут старинные часы; Еще не вечер; Полеты во сне и наяву* [7, с. 220, 221–222, 547]); где необходимо, указала на “типичную трансформацию”, “схематически представляющую собой наиболее частотный вариант преобразования крылатого выражения говорящими” (обычно отмечен самый “уязвимый” компонент) (см., напр., *Аты-баты, или солдаты; А у нас на кухне газ. А у вас?; Лучшие гор могут быть только горы* [7, с. 5, 38, 40, 364]).

В словаре семантическая характеристика является обязательным атрибутом словарной статьи в отличие от большинства изданий КС(в). Семантизация включенных в КСНВ языковых единиц осуществлялась следующими способами:

1) описательным, который является наиболее распространенным, напр.: *брызги шампанского* – “о роскошной жизни”; *красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил* – “о полном представительном

мужчине”; см. также: *А у нас во дворе; богатенький Буратино; В Багдаде все спокойно* [7, с. 67, 328–329, 39, 58–59, 78];

2) описательно-перечислительным, напр.: *А вдоль дорог мертвые с косами стоят* – “о чем-либо страшном, угрожающем”; *девушка с характером* – “о волевой, сильной, независимой женщине”; см. также: *Джеймс Бонд; под крышей дома твоего; Смешались в кучу кони, люди...* [7, с. 16–17, 171, 184, 413–414, 638–639];

3) синонимическим, напр.: *И это правильно* – “все верно”; *Деточкин* – “синоним “благородного” преступника”; *Зазеркалье* – “синоним загадочной волшебной страны” [7, с. 286, 180–181, 243–244];

4) перечислительно-синонимическим, напр.: *на земле, в небесах и на море* – “езде, повсюду”; *полеты во сне и наяву* – “фантазии, мечтанья, сновидения” [7, с. 417, 547];

5) символическим, напр.: *девушка с веслом* – “символ безвкусицы, примитива в искусстве”; *трава забвения* – “символ забвения” [7, с. 169, 687].

Отдельные обороты толковались описательным способом, в основе которого лежит родо-видовой, напр.: *рояль в кустах* – “о заготовке, которую пытаются скрыть”; *Следствие ведут знатоки* – “о расследовании, ведущемся профессионалами”; *служебный роман* – “о любви, возникающей между сослуживцами” [7, с. 601–602, 632–633, 634–635]. Как представляется, в таких случаях можно было бы избежать формулировки с предложно-именной конструкцией, что делает ее более компактной и определенной. В некоторых случаях нужны и уточнения. При семантизации оборота *рояль в кустах* следует указать, что речь идет не просто о любой заготовке, а о заготовке, разработанной людьми творческой профессии, обычно журналистами, телеведущими.

Для толкований широко использовались лексемы, указывающие на жанр речевых высказываний – эпитимов-фраз: угроза, просьба, приказ, кредо, призыв и т. п.: *Не надо печалиться, вся жизнь впереди, надейся и жди!* – “призыв оставаться оптимистом”; *Главное – не победа, а участие* – “девиз оптимистов”; *Не учите меня жить* – “просьба не вмешиваться в дела” [7, с. 448, 154–155, 460].

Таким образом, можно утверждать, что словари КС(в) XXI в. уже выполнены на высоком филологическом уровне, хотя вопрос толкования некоторых групп КС(в) (прежде всего фраз и сверхфразовых объединений) остается открытым и в целом требуется оптимизация параметров толкования КВ разных структурно-семантических типов.

Фиксация в сборниках широкого круга единиц КС(в) разной структуры и происхождения и их глубокая, многоаспектная словарная разработка с опорой на достижения предшественников и поиском новых лексикографических решений свидетельствуют о стремительном развитии

жанра словарей крылатых слов и выражений (БСКСВ и др. словари С. Г. Шулежковой, а также Л. П. Дядечко).

Крылатые обороты – сочетания слов, активно фиксирующиеся в изданиях КС(в), толкуются по-разному. Семантизация речевых оборотов непредикативного типа осуществлялась следующими способами: описательным, описательно-синонимическим, описательно-перечислительным, родо-видовым, эквивалентным, комбинированным, символическим. Для КВ, выраженных глагольным словосочетанием, при толковании в основном использовался инфинитивный описательный оборот. Ситуативно-описательный и объектно-описательный способы применялись только для оборотов со структурой предложения. Многие способы использовались в комбинации с историко-этимологическим, дефиниции сопровождалась комментариями энциклопедического характера.

Остались без достаточного практического и вообще без теоретического осмысления принципы толкования оборотов, имеющих более сложную структуру, чем предложение – мини-диалоги и объединения двух-трех предложений.

Подробный анализ словарных материалов позволяет также сделать общий вывод о том, что способов семантического описания в практической лексикографии оказалось больше, чем в теоретической. Разработка метаязыка, способного адекватно представить КС(в) в лексикографических изданиях, является предметом дальнейших научных исследований.

Л и т е р а т у р а :

1. Беркова О. В. Крылатые слова и проблемы их лексикографирования : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “русский язык” / О. В. Беркова. – Л., 1991. – 20 с.
2. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2 т. / [под ред. С. Г. Шулежковой]. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. – Т. I–II.
3. Грушко Е. А. Современные крылатые слова и выражения / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Рольф, 2000. – 544 с.
4. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи : Крылатые слова – Крилаті слова (материалы для словаря) : [уч. пособ. : в 4 ч.] / Людмила Петровна Дядечко. – К. : Изд. дом “КомпьютерПресс”, 2001–2003.
5. Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания : история и современность : [монография] / Людмила Петровна Дядечко. – К. : ИПЦ “Киевский университет”, 2002. – 294 с.
6. Дядечко Л. П. “Крылатый слова звук”, или Русская эптология : [уч. пособ.] / Людмила Петровна Дядечко. – К. : ТОВ “ВБ Аванпост-Прим”, 2006. – 336 с.
7. Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени : толковый словарь : более 1000 единиц / Людмила Петровна Дядечко. – М. : НТ Пресс, 2008. – 797 с.

8. *Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 “русский язык” / С. Г. Шулежкова. – СПб., 1995. – 43 с.
9. *Шулежкова С. Г.* Крылатые слова и выражения русского языка как объект лексикографического описания / С. Г. Шулежкова // Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2-х т. [под ред. С. Г. Шулежковой]. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. – Т. I. – С. 3–16.

R e f e r e n c e s :

1. *Berkova O. V.* Krylatye slova i problemy ih leksikografirovaniya [Winged words and their problems Leksikografy]: avtoref. diss. na soiskaniye uch. stepeni kand. filol. nauk : spets. 10.02.01 “Russkiy jazyk” / O. V. Berkova. – L., 1991. – 20 s.
2. Bolshoy slovar krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka [Large dictionary of winged words and expressions of the Russian language] : ok. 5000 ed. : v 2 t. / [pod red. S. G. Shulezhkovoy]. – Magnitogorsk : MaGU; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. – Т. I–II.
3. *Grushko E. A.* Sovremennye krylatye slova i vyrazheniya [Modern winged words and expressions] / E. A. Grushko, Ju. M. Medvedev. – M. : Rolf, 2000. – 544 s.
4. *Dyadechko L. P.* Novoe v russkoy i ukrainskoy rechi : Krylatye slova – Krylati slova (materialy dlya slovarya) [New in the Russian and Ukrainian speech : Winged words (materials for the dictionary)]: [uch. posob. : v 4 ch.] / Lyudmila Petrovna Dyadechko. – K. : Izd. dom “KompyuterPress”, 2001–2003.
5. *Dyadechko L. P.* Krylatye slova kak obyekt lingvisticheskogo opisaniya : istoriya i sovremennost [Winged words as the object of linguistic description : Past and Present]: [monografiya] / Lyudmila Petrovna Dyadechko. – K. : IPC “Kievskij universitet”, 2002. – 294 s.
6. *Dyadechko L. P.* “Krylatyy slova zvuk”, ili Russkaya eptologiya [“Winged words sound”, or Russian eptology] : [ucheb. posob.] / Lyudmila Petrovna Dyadechko. – K. : TOV “VB Avanpost-Prim”, 2006. – 336 s.
7. *Dyadechko L. P.* Krylatye slova nashego vremeni : tolkovyy slovar [Winged words of our time : Dictionary] : bolee 1000 edinic / Lyudmila Petrovna Dyadechko. – M. : NT Press, 2008. – 797 s.
8. *Shulezhkova S. G.* Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ih istochniki i razvitiye [Winged words of the Russian language, their sources and the development] : avtoref. diss. na soiskanie uch. stepeni doktora filol. nauk : spets. 10.02.01 “russkiy yazyk” / S. G. Shulezhkova. – SPb., 1995. – 43 s.
9. *Shulezhkova S. G.* Krylatye slova i vyrazheniya russkogo yazyka kak obyekt leksikograficheskogo opisaniya [Winged words and expressions of the Russian language as an object of lexicographical description] / S. G. Shulezhkova // Bolshoy slovar krylatykh slov i vyrazheniy russkogo jazyka : ok. 5000 ed. : v 2 t. [pod red. S. G. Shulezhkovoy]. – Magnitogorsk : MaGU; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. – Т. I. – С. 3–16.

Салахатдінова Е. Ш. Семантизація крилатих висловів у словниках початку XXI ст.

На матеріалі словників крилатих слів і висловів російської мови початку XXI ст. вивчено типологію способів семантичного опису крилатих одиниць. Встановлено, що вибір способу семантизації та характер інформації, яка повинна бути відображена в тлумачній частині словникової статті, залежать від структури описуваної одиниці.

Ключові слова: крилаті слова та вислови, словникова стаття, семантичний опис, способи семантизації, лексикографія.

Salakhatdinova E. Sh. Semantization of Winged Words in the Dictionaries at the Beginning of the XXI century.

Dictionaries of the Russian Language at the beginning of the XXI century considerably transform the idea the scholars have had of phrasicon units and their sources before. The article analyses the units that have been added to the lexicographic works of the period. The research has revealed that the ways of defining winged words are not fully developed yet. Thus, the article details the typology of ways of the winged words ersemantic description based on the lexicographic material. The number of semantization ways in practical lexicography appears to exceed their number given in theoretical research. It is demonstrated that the way of semantization and the information provided in the defining part of the entry depend on the structure of the unit. The issue of defining phrases and those units that are larger than a phrase still needs to be examined in more detail while the parameters of defining winged words of various structural and semantic types are yet to be optimized.

Keywords: winged words and phrases, vocabulary entry, semantic description, semantization ways, lexicography.

Т. В. Слива

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

РОЛЬ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

В статье изложены основные результаты исследования данных ассоциативного эксперимента, которое было предпринято с целью выявления семантических связей лексем в пределах ассоциативного поля. Кроме того, в ней идет речь об особой парадигме – ассоциативно-семантической группе, которая формируется с учетом ассоциативных и семных взаимодействий лексем.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ассоциативно-семантическая группа, ассоциат, ассоциант.

Общеизвестно, что основной единицей лексикологии является слово, в значении которого представлены разные аспекты – денотативный, сигнификативный, коннотативный. Однако, наряду с признанием “лингвистической структуры” значения, исследователи все чаще говорят о существовании его “психологической структуры” [4], которая определяется системой соотнесенности и противопоставления слов в процессе их употребления в речевой деятельности. Давно замечено, что слово не только